кина кровать и рядом сидели и что-то обсуждали мои родители. В этот момент бабуля наводила на меня свои голубые глаза и орлиный нос и, указывая на какую-нибудь статуэтку, вдруг начинала сухо чеканить: *"Этот фарфор, между прочим, держал в своих руках Александр Сергеевич Пушкин"*. Если же я, изнемогая от скуки, плюхался в старое кожаное кресло, баба Наташа говорила: *"Не продырявь! В этом кресле любил сидеть Сергей Есенин!"*. Несмотря на свое малолетство, я уже тогда относился к словам взрослых с изрядным скептицизмом, а потому строгим указаниям бабушки следовал, но на ее исторические экскурсы применительно к посуде или мебели в доме на улице Дурова не реагировал вовсе. Бабушка же была умелая рассказчица, вот я и думал, что есенинское кресло и пушкинская статуэтка - это всё так, для красного словца.

Шло время. Я перешел в 9-й класс, сильно вытянулся и окреп. Наталья Борисовна с удовлетворением отмечала мое превращение в юношу. В мой адрес то и дело сыпались бабушкины комплименты, перемежаемые поучениями. Мне казалось, что вот-вот она позволит мне присесть к ее кровати и выслушать целый набор нотаций. Для меня это было важно, так как для остальных членов моей семьи сия её милость означала бы мой переход в возрастной ценз "человека разумного".

Люди не могут не чувствовать приближения своего конца. Даже если все вокруг, в том числе и врачи, говорят, что "всё как всегда". Как-то в один из традиционных субботних вечеров отец раньше обычного засобирался домой. В воскресенье он должен был лететь на Дальний Восток, вставать надо было засветло, чтобы успеть на аэродром Жуковский к назначенному на раннее утро спецрейсу. Мама вместе с теткой понесла чайный сервиз на кухню. Я подошел к бабушке, наклонился над ней, чтоб поцеловать ее щеку, но она своими худыми изогнутыми пальцами стиснула мою руку, велела присесть и кое-что важное послушать. Это было настолько ново и непривычно, что я запомнил наш разговор с фотографической и магнитофонной точностью.

"Послушай, внучек! Я завтра умру. Я это знаю. У тебя впереди большая и интересная жизнь. То, что я сейчас тебе скажу, может тебе пригодиться. Я всю жизнь скрывала свое происхождение, работала простой модисткой и держала язык за зубами. Я боялась не за себя, а за твоего отца. Запомни, что я тебе скажу, хотя может ты и не поймешь это сейчас, но потом у меня уже не будет такой возможности. Мальчик мой, в тебе течет благородная кровь. Мой дед Николай был царским генералом, бароном. Он был полицмейстером Москвы, больши-и-и-и-м жандармским начальником. Твой папа не всё о нем знает, ему это могло бы повредить по службе. Но ты запомни, что тебе твоя бабушка сказала. Хорошо? Ну, всё, ступай!"

На следующий день бабушка Наташа действительно умерла. Про легенду о прапрадедушке-жандарме я довольно-таки быстро забыл и вспомнил о ней ровно через 30 лет и то - совершенно случайно.

ЖАНДАРМ

- Поразительная беспечность, Александр Александрович! Идет второй год войны с германцами, а Вы в тяжелейшее для нашего фронта время допускаете погромы подобных масштабов, да еще с такой политической манифестацией! Государь возмущен бессилием полиции. Императрица вне себя от оскорблений толпы!

Помощник Министра внутренних дел Генерал Джунковский, нервно подергивая ус, мерил кабинет Градоначальника тяжелым шагом. Готовясь к этой встрече с генералом Адриановым, он заранее решил, что будет тщательно подбирать слова, дабы не выказать ни излишнего раздражения более чем странным поведением Градоначальника, ни свою жалость и даже сострадание к собеседнику, которого знал уж более 20 лет с самой лучшей стороны - как человека ответственного, разумного и в высшей степени порядочного. Тем более в его голове не укладывалось поведение Адрианова, допустившего ничем не оправданную "деликатность" к толпам погромщиков.

Борьба с "немецким засильем" не была уж чем-то из ряда вон выходящим даже в среде петербургских аристократов, не говоря уж об армейских кругах. Дело дошло до переименования столицы в Петроград. Ненависть к немцам и ко всему, имеющему отношение к Германии, была разлита ровным слоем по всему русскому обществу - от элиты до низов.

Безответственное поведение элиты русского общества отозвалось погромной стихией. Дурные вести с фронта добавляли хмеля в брожение умов. Русский бунт, "бессмысленный и беспощадный", готовил свою генеральную репетицию. На сей раз его жало было направлено против русских немцев - верных солдат и тружеников великой Империи. Громя магазины и фабрики тех, чья вина состояла лишь в пользовании немецкой, или на худой конец, курляндской, скандинавской или даже французской фамилией, хорошо организованная масса, будто выдавленная из тюбика на улицы Москвы, проклинала Царицу, ее родную сестру и всех "немцев", "заполонивших Двор и опутавших Государя".

Джунковский понимал, во что это может вылиться уже в ближайшие годы, и считал своим долгом предупредить Царя о грозящей ему и Отечеству опасности. Он еще не знал, что Государь его не услышит. Спустя три месяца после немецких погромов - в августе 1915 года Николай II отстранит Командира Отдельного Корпуса жандармов Генерал-майора Джунковского от должности - за "доносы на Старца". На весах монарших ценностей "сидевший на ушах Императрицы" Григорий Распутин перевесил верного Государю охранителя Империи. Но сейчас, в кабинете Градоначальника Москвы, Владимир Федорович об этом знать никак не мог, а представить - тем более. Теперь ему предстояла тяжелая миссия - расследовать действия московской полиции, допустившей разгул народной стихии в самом центре древней русской столицы, решить судьбу своего старого сослуживца - генерала Адрианова и подготовить рапорт Его Императорскому Величеству.

Джунковский обошел кругом выглядевшего совершенно потерянным московского Градоначальника, застывшего посреди своего кабинета. Будто ястреб, делая боевой круг перед падением камнем на свою жертву, Жандарм вдруг почувствовал, что старый друг стал ему совершенно безразличен. Кровь, которую он хотел выпустить из его разорванных клювом жил, будила в нем азарт охотника. Он наслаждался мгновением перед неминуемой развязкой своей встречи с противником, заранее сдавшимся на милость победителю. Он вообще перестал что-либо чувствовать к своему собеседнику и полностью отдался инстинкту, воспитанному в нем годами службы в тайной полиции и жандармерии.

- Друг мой, Александр Александрович! Я только что ознакомился с составленным Вами рапортом. Потрудитесь объяснить, как Вам, человеку опытному и предусмотрительному, в голову пришло возглавить толпу на ее пути к дому генерал-губернатора? А как, позвольте полюбопытствовать, должны вести себя жандармские части и казаки, получившие приказ рассеять толпу, когда они видят в ее голове Его Превосходительство господина Градоначальника, то есть Вас, мой дорогой друг? Да самый ленивый и темный из бунтовщиков резонно предположит, что коли в толпе вышагивает сам Адрианов Александр Александрович, то, стало быть, погромы дозволены и проводятся по Высочайшему Указу! Мда-с! Скажите на милость, Александр Александрович, на Вас затмение нашло, али хворь какая? Сброд, всякая сволочь подобно Узурпатору грабит и поджигает нашу Москву, а Вы их вовсе не разгоняете! Нет, что Вы, как истинный друг народа и знаток потаенных струн его, Вы чинно ступаете во главе колонны черни, причем самой что ни на есть подлейшей из подлейших. Вы вместе с этими, простите, мерзавцами и христопродавцами распеваете то "Боже, Царя храни!", то "Спаси, Господи, люди Твоя!", да всё это - под портретом Государя, да с хоругвями и образами! Ах, славный, добрый, православный наш народ, вот вышел на прогулку, мирную, так сказать, демонстрацию, а то, что фабрикантов камнями побили, да под мостом утопили, так это, можно сказать, высшее проявление патриотических чувств и солидарность с воюющим за Россию фронтом! Ваше Превосходительство, я правильно читаю Ваши мысли-с? Не так ли? Нет, нет, голубчик, не отводите глаз! Как старый друг скажу Вам прямо: то, что Вы изволили допустить-с, это - позор мундира! Нет-нет! Не затыкайте уши! Прошу Вас дослушать до конца сие моё крайнее возмущение Вашим удивительным и ничем не объяснимым поведением! Не первый год мы знаем друг друга, никогда не испытывал я к Вам чувств иных кроме дружеской теплоты, а потому уж прошу Вас не прерывать меня и не показывать всем видом своим, сколь противны Вам мои слова!

- Владимир Федорович! Сделайте милость, пожалейте меня, мой друг! Неужто Вы и в самом деле стали на сторону тех, кто во всех этих страшных событиях усматривает лишь мою вину? Вот уж и князь Юсупов...

- Ах, кстати. До Императрицы дошли слухи, что в силу присущей Вам беспечности Вы настолько розово смотрели на вещи, что чуть не обрекли на верную смерть ее сестру-бедняжку. Подумать только: Вы даже не пытались убедить Великую Княгиню остаться в ее Марфо-Марьинской обители и не ехать на Тверскую. Мол, заседание Красного Креста без родной сестры Императрицы ну никак не обойдется! Вы в самом деле не видели оснований опасаться за эту поездку? Поймите, Александр Александрович, безопасность вдовы московского генерал-губернатора, как, впрочем, и иных важных особ, проживающих в Москве, всецело лежит на Ваших плечах. Мало ли на нашей памяти кровавых преступлений, направленных против членов семьи Государя Императора? Еще кровь великого князя Сергея Александровича запечься не успела, а Вы столь опасно рискуете жизнью его вдовы! Не удивительно, что сам князь Феликс Феликсович Юсупов отменил ее поездку на собрание. Его супруга поведала мне о том, что была вынуждена рассказать о случившемся Императрице. В Вашу защиту я добавил лишь, что именно усилиями полиции была спасена от погромов Ордынка и сама Марфо-Мариинская обитель, основанная Елизаветой Федоровной, но не думаю, что это позволит смягчить гнев Ее Величества. Вы же знали с Севенардом, что Елизавета Федоровна своим гессенским происхождением не снискала себе уважения среди патриотических масс! Севенард, этот Ваш любимчик, этот прохвост - он-то себя успел обезопасить. Вот, полюбопытствуйте, его записочка княгине Юсуповой. Читайте, без очков не видите? Сейчас я Вам ее прочту: "Ваше сиятельство, это немыслимо, Великую княгиню по дороге убьют". Граф Толстой ваш Севенард, а не полицмейстер! Ну ежели Севенард понимает обстановку в Москве лучше Вас, может его и назначить градоначальником? Может, тогда придется меньше опасаться за Белокаменную? Милостивый государь, Александр Александрович, Вам плохо? Так попейте водички! Ох, Александр Александрович, за столько лет Вашей безупречной службы ни мне, ни нашему министру Маклакову, ни покойному Петру Аркадьевичу Столыпину, который безмерно уважал Вас, не приходилось сомневаться в Вашей способности надежно поддерживать безопасность в Москве, а тут такое разочарование!

Адрианов вспыхнул от ударившего в голову гнева. Смущение прошло. Ему на смену шел протест. Еще никогда ранее Джунковский не позволял себе так обходиться с ним. Даже обстоятельства сего дела не давали ему оснований разговаривать с ним, Московским Градоначальником, подобным образом. Да, он, конечно, понимал, что именно ему придется отвечать за гибель гражданских лиц, да еще и женщин. Морально он был к этому готов. Вести о приезде Джунковского в Москву означали для него лишь то, что наступает развязка трагедии, жертвой которой стал и он сам. Позорная отставка была бы наименьшим злом, но и судебное преследование исключать было нельзя.

Будучи Генералом Свиты Его Величества, Адрианов не мог не знать о крайнем раздражении Царя его поведением, хотя и считал сие мнение несправедливым и основанным на поверхностном восприятии случившегося в Москве несчастья. Тем не менее, примириться с вызывающей сожаление, с учетом стольких лет прежнего знакомства, позицией своего старого знакомца и приятеля - Генерала Джунковского - он не мог. Всё в нем заклокотало, забилось, и еле сдерживая волнение, Градоначальник перешел в контратаку:

- Милостивый государь! Вы желали бы, чтобы я отдал приказ стрелять в безоружных людей? Залить Москву кровью? Да-с, они погромщики, но все же люди, а не враги Отечеству. Вы, должно быть, забыли баррикады и кровь 905-го года? А я не забыл! И не хочу ее! Слышите, не хо-чу! Мы не каратели, нет! Мы стражи закона и порядка. Насилие породит насилие, и тогда мы с Вами разбитыми лавками не отделаемся. Да-с, представьте себе, и я, скорблю по невинно убиенным. Но могло быть хуже, много хуже! И не Вам, Ваше превосходительство, меня попрекать либерализмом! Не Вы ли, Владимир Федорович, своим решением запретили институт секретных сотрудников в армии и на флоте, уволив сотни блестящих профессионалов?! Не Вы ли ликвидировали агентуру среди учащихся в учебных заведениях? Вам ли бросать мне упрек в лицо после того, как именно по моему настоянию в Москве и Петрограде удалось отстоять охранные отделения, кои Вы порушили по всей Империи? Вы лишили нас зрения, понимания того, что реально происходит по всем этим подвалам и чердакам, по всем этим марксистским рабочим кружкам! Мы же ослепли, потеряли слух, обоняние! Может Вам более известны эти настроения? Так поделились бы уже! Я Вам так скажу: в волнениях по всему чувствовалась чья-то направляющая рука и закономерность. Жандармы, увещевая возбужденную толпу разойтись, своими глазами видели повсюду снующих студентиков и прочих подстрекателей и провокаторов. Но по Вашей милости лишившись глаз и ушей, мы были слишком поздно предупреждены о грозе, надвигавшейся на город. Да-с! Не говоря уж о масштабах волнений!

Я, конечно, отвечу за всё. Чинить препятствий в порученном Вам расследовании этих трагических событий не собираюсь. Понимаю, к чему Вы клоните. Я собственноручно и немедля напишу прошение об отставке, но запомните, генерал Джунковский, уходом моим Вы грозу не остановите. Именно грозу, страшную грозу, идущую на Россию. Прошу Вас, Владимир Федорович, лишь об одном: полно и беспристрастно разобраться в действиях моих подчиненных, ибо в них я нахожу примеры преданности нашему делу, мужество и профессионализм. Честь имею!

Генерал-майор Адрианов встал из-за стола. По всему было видно, что ему с трудом удавалось сохранить даже видимость самообладания. Не протягивая руки Джунковскому, он как-то неестественно распрямился, не поднимая глаз, повернулся к выходу и уже успел сделать пару шагов, как вдруг остановился:

- Да, совсем забыл... Здесь на столе материалы прокурорской проверки действий полицмейстера 4 отделения генерал-майора Миткевича-Жолтка. Обычная история, знаете ли: невинных карают, непричастных награждают. Владимир Федорович, я уж на дальнейший ход дела по Николаю Антоновичу повлиять не могу, так уж Вы сами определитесь, наказать Миткевича или наградить.

Адрианов, наконец, поднял тяжелый взгляд на безучастно наблюдавшего за ним Джунковского, что-то видимо еще хотел добавить, но осекся, помявшись, засобирался и, неловко зацепив плечом вешалку у двери, покинул кабинет.

Джунковский оставался равнодушным. Демарш Адрианова никак его не тронул, ни разозлил, ни разжалобил. Ему было невыносимо скучно. Будто желая удостовериться, что он не спит, Жандарм по привычке дёрнул себя за правый ус. Затем он до хруста расправил плечи, подошел к столу, отпил из стакана успевший остыть чай и тяжело опустился в опустевшее после ухода хозяина кожаное кресло. Он неспешно раскрыл плотно забитый бумагами портфель и достал оттуда Дело с пометкой "Спешное. Секретно". Оно касалось обстоятельств тех самых кровавых немецких погромов 26-29 марта 1915 года, в котором ему поручено тщательно и объективно разобраться, "желательно без нагнетания", как того пожелал Государь. Полным ходом шла война с Германией и Австро-Венгрией, русская армия несла страшные потери на западных границах Империи, но Москва после беспорядков выглядела так, будто кайзеровская авиация сбросила на нее тысячу зажигательных бомб. Поиски "немецких шпионов" среди фабрикантов из числа эльзасских немцев вывели на улицы Замоскворечья, в Лефортово, на Лубянку, Мясницкую и даже на Красную площадь десятки тысяч погромщиков и мародеров. Волнения охватили даже ближайшее Подмосковье - деревни Свиблово, Ростокино, Всехсвятское. Согласно отчету сенатской комиссии, в ходе погромов пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или похожими на иностранные фамилиями). Ущерб был нанесен многим российским, французским и английским фирмам и магазинам, иностранным консульствам и даже предприятиям, выполнявшим военные заказы.

Жандарм раскурил папиросу, подошел к окну, распахнул его в наступившую ночь, затем вновь погрузился в кресло, наклонился к столу и вытряс на него всё содержимое своего портфеля. Несколько прокурорских запросов и объяснительных Департамента Полиции слетело на пол и запорхнуло под массивную дубовую тумбу. Помогая себе ногой, Джунковский извлек из-под тумбы бумаги, поднял их и сложил в одну стопку, смешав тем самым свои бумаги и документы, оставленные на столе Адриановым. Тяжело вздохнув от осознания того, что все сие сочинения ему придется осилить непременно сегодня, Жандарм решил читать всё подряд - в том случайном порядке, как листы попали в стопку.

Поверх вороха бумаг лежало адресованное ему письмо прокурора Московской судебной палаты в связи с "неправомерными действиями полицмейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка". *"Что ж, голубчик, с тебя и начнем!"*, - генерал развернул лампу так, чтобы свет ее падал на желтые листы прокурорского запроса и принялся читать.

"Милостивый Государь Владимир Федорович,

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копию сообщения Прокурора Московского Окружного Суда от 29 мая сего года за № 5268 на имя Мос-